

## СЕКЦИЯ IV. ИСТОРИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ПОВСЕДНЕВНОСТИ

И.А. Ильин

*Ульяновский государственный педагогический университет*

### АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ О ПОЛОЖЕНИИ СТАРООБРЯДЦЕВ (НА МАТЕРИАЛАХ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ): К ИСТОРИИ ОДНОГО ИНЦИДЕНТА

Религиозное краеведение — одно из малоизученных направлений исследования, и имеющие бесспорную научную значимость оригинальные архивные документы [6, с. 26] приобретают особую ценность. Источники предоставляют возможность узнать об особенностях взаимодействия общин и отдельных старообрядцев с «внешней средой», в целом, с представителями светской власти и «господствующей Церкви», в частности, о восприятии староверов «внешней средой». Соответствующие материалы существенно помогают в выявлении проявленных староверами и православными подходов и настроений.

Существенную информацию предоставляют делопроизводственные источники. В Государственном архиве Ульяновской области соответствующие материалы можно обнаружить, например, в фондах 1 (Симбирский Окружной суд), 76 (Канцелярия симбирского губернатора), 134 (Симбирская Духовная консистория). В документах можно увидеть, как официальные органы разных уровней и ведомств осуществляли в губернии законодательство относительно старообрядцев, как «симбирские» староверы соблюдали данное законодательство, в частности, Высочайше утвержденное Мнение Государственного Совета от 3 мая 1883 г. «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб» [1]. Сохранились обращения самих староверов по разным вопросам — например, о возврате конфискованных духовных книг, в которых не обнаружилось «вреда» [4, оп. 69, д. 5, л. 27] для православной веры. «Раскольники» могли не понимать возложенных на них прав и ограничений (или даже намеренно их игнорировать — как и официальные лица игнорировали возложенную «сверху» обязанность [3, оп. 7, д. 381, л. 3] разъяснять старообрядцам законодательство). Seriously развивалась исследовательская деятельность в отношении старообрядцев (часто сочетаемая с осуществлением над ними контроля представителями светской и духовной власти).

В селце Алакаевка Сызранского уезда (ныне — Новоспасский район Ульяновской области) в феврале 1889 г. была обнаружена школа, которую

устроили «раскольники» беспоповского Поморского толка Семен Иванов Поликарпов, начетчик из Хвалынского уезда Саратовской губернии, и местный крестьянин Андрей Тимофеев Шебетин, предоставивший свой дом. Хвалынский уезд имел славу одного из видных центров старообрядчества (известного, например, Черемшанскими скитами поповского Австрийского толка [8, с. 32]) и настоящей его «палестины». Анонимный православный исследователь, давший такое сравнение, в 1890 г. далее заметил, что отсюда шли «те нити, которые, частью явно, частью тайно, руководят всем поволжским расколом...» [10, с. 166]. Косвенные «следы» деятельности поморских «столпов» из Хвалынского уезда, обнаруженные и в Карсунском уезде, были отмечены в 1901 г. в «Симбирских епархиальных ведомостях» [9, с. 490]. В Сызранском уезде Поликарпов, которого Шебетин формально нанял в качестве работника, занимался обучением мальчиков из семей староверов, — в силу отсутствия в сельце Алакаевка училища. Были ученики из отмеченных в документах семей, «склонных к расколу» (в конечном счете, в него перешедшие). Совместное обучение детей староверов староверами же Мнение Государственного Совета от 3 мая 1883 г. ни прямо, ни косвенно не позволяло [5, оп. 3, д. 75, л. 7], и органами власти это пресекалось. Поликарпов также совершал в доме Шебетина для местных поморцев публичные богослужения. К ответственности за «сращивание в раскол» никого не привлекли (не был выявлен факт уговоров к переходу). Проводивший дознание пристав 2-го стана Сызранского уезда не нашел и признаков «устройства дома, похожего на церковь или молельню» [5, оп. 3, д. 86, л. 4]. Дело завершилось конфискацией книг духовного содержания, которые хозяин опечатанной избы (как отмечалось в прошении на имя губернатора об их возврате), собрал у других поморцев Алакаевки для официального диспута («собеседования») с приходским священником. Духовная консистория (в которую, как подчеркивали органы светской власти, надлежало обращаться для возврата духовных книг), обосновывая свои действия формальными предписаниями Святейшего Синода [2], определила конфискованное в Духовную семинарию в качестве наглядного пособия «для обличения заблуждений раскола» [5, оп. 3, д. 86, л. 17]. Власти также, преимущественно, ограничивались сломом незаконных молитвенных домов. В Симбирском Окружном суде разбор по существу «раскольничьих» дел был достаточно редким явлением. Уголовные дела, например, возбуждались по статьям 189 (предполагала привлечение православных в проповеди или сочинении в «раскольнический толк») и 206 (предполагала устройство молитвенного дома без надлежащих разрешений) Уложения о наказаниях уголовных и исправительных [7, с. 142, с. 146-147, 158-159].

Таким образом, привлечение широкого круга архивных источников позволяет комплексно изучить старообрядчество Симбирской губернии в контексте имперской конфессиональной политики.

### **Библиографический список**

1. Высочайше утвержденное 3 мая 1883 г. Мнение Государственного Совета «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб» // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1883. 24 мая. Ст. 469.
2. Указ Святейшего Правительствующего Синода от 30 апреля 1858 г. «О вновь составленных правилах о том, в каких случаях отбирать у раскольников кресты, иконы, книги и вообще богослужебные принадлежности, и кому их рассматривать» / Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода. Кн. II (1801-1858). СПб.: Типография Министерства Внутренних Дел, 1860. С. 808-821.
3. Секретное Циркулярное письмо министра внутренних дел начальникам губерний и областей от 21.07.1883 за № 525 // Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 134. Оп. 7. Д. 381.
4. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 1.
5. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 76
6. Савинцев В.А. Старообрядчество Рязанской губернии в контексте государственной конфессиональной политики в середине XIX – начале XX в.: дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук (на правах рукописи): 5.6.1. Рязань: Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, 2021. 207 с.
7. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. / изд. Н.С. Таганцев. 5-е изд., доп. СПб: Типография М.М. Стасюлевича, 1886. [4], 174 с.
8. Ильин И.А. Староверы Симбирской губернии: особенности взаимодействия с обществом в свете религиозной политики Александра III // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2025. № 1 (43). С. 15-42.
9. Колосов Гр. Среди раскольников села Красной Сосны // Симбирские епархиальные ведомости. 1901. № 14. С. 487-494.
10. Главнейшие центры современного раскола // Христианское чтение. 1890. № 1-2. С. 159-173.

**А.В. Фирсов**

*Российский университет дружбы народов*

### **КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ КООПЕРАЦИИ В НАЧАЛЕ XX В.**

В начале XX в. кооперативное движение охватило большую часть территории Российской империи, в том числе и территорию Западной Сибири. Увеличение капитала в отдельно взятых кооперативах и союзных организациях позволило сосредоточить внимание не только на хозяйственной деятельности, но и на культурно-просветительском деле. Необходимость повышения уровня образования населения отмечали еще первые теоретики кооперации, которые рассматривали ее как своеобразный «культурный центр», где крестьяне приучались к общественной жизни и готовились стать гражданами [3, с.35-39]. Западная Сибирь, где после 1905 г. развернулось активное кооперативное строительство столкнулось с проблемой низкого уровня грамотности крестьян, которые были основными пайщиками. От-